

Зоя Самарская **г. Волгодонск**

Мамино колечко

– Ты катись, катись, колечко, – повторяет за героиней мультфильма «Двенадцать месяцев» моя пятилетняя дочь Наташа, – на весеннее крылечко!

Забравшись с ногами в кресло, она то хмурится, то улыбается, то шевелит губами, участвуя в сказочном действии. Радостно хлопает в ладошки, когда на лужайке появляются подснежники. Это любимая сказка Наташи.

Закончив дела на кухне, я досматриваю с дочкой мультфильм, изредка бросая взгляд на окно. В нашем доме тепло и уютно, а за окном – метель. Точно такая же, как в сказке. И мне до слёз жалко послушную девочку-падчерицу, которая отправилась за подснежниками в лес, чтобы угодить злой мачехе.

– Мамочка, падчерица – это кто?

Объясняю, как могу. В свои пять лет я тоже не знала, кто такая падчерица.

Наташа продолжает задавать вопросы:

– Месяцы, правда, в лесу живут? И зайцы с белками, правда, играют?

А свою просьбу, как всегда, она приберегает напоследок:

– Мамочка, расскажи про своё колечко!

– Хорошо, – соглашаюсь я, – только сначала ты ляжешь в кровать, укроешься тёплым одеялом, а потом расскажу о колечке.

Наташа послушно уходит в свою комнату и укладывается в постель. А я, как обещала, прихожу, чтобы рассказать в который раз историю о своём колечке. Эту историю и расскажу я вам сейчас, ничего не приукрашивая и ничего не выдумывая.

Жила я со своими родителями в селе Городищево. И первые мои воспоминания были о том, как я с мамой в лесу собираю ягоды. Отец уходит от нас всё дальше в лес, а мы по очереди кричим ему: «Ау-у!» Лес кормил, в полном смысле этого слова, жителей окрестных сёл. Летом – земляника, малина, черника. Ближе к осени – грибы. А ещё в лесу на соснах развешивали воронки для сбора смолы.

Земля вокруг Городищева была сплошной чернозём, и все сельчане выращивали в своих огородах разные овощи. Отец мой работал агрономом в колхозе, а мама была учительницей русского языка и литературы в школе. Попала она в Городищево по распределению после института. Родни поблизости у неё не было. У отца родители жили в районном центре, и мы иногда ездили к ним в гости. Иногда, потому что автобус между райцентром и селом из-за плохой дороги ходил не всегда: после дождя или снегопада невозможно было въехать на крутую гору перед самым Городищевым. Зато какое это было удовольствие кататься зимой на санках с этой горы!

В тот год, когда не стало мамы, мне исполнилось одиннадцать лет. Некоторое время я жила у бабушки и дедушки. Потом отец приехал, чтобы забрать меня домой. Приехал не один: вместе с ним во двор зашла милостивая русоволосая голубоглазая женщина, ведя за руку такую же голубоглазую с длинной косой девочку моих лет. Как оказалось, отец собрался жениться во второй раз. Познакомив меня с будущими новой мамой и сводной сестрой, отец сказал, что жить мы будем в нашем доме все вместе. По детской наивности я даже обрадовалась, что у меня появится сестра. А что касается «мамы», бабушка, отведя меня в сторону, объяснила, что мужчинам не положено жить в одиночку и что должен быть за ними женский уход.

Отец женился, и мы стали жить вчетвером. Относилась ко мне новая мама по-разному: при отце говорила спокойно, ласково укоряя меня, что не называю её «мамой», когда отца дома не было – покрикивала. Сводная сестра Анюта оказалась капризной, избалованной девочкой. Постоянно ябедничала, жаловалась на меня и дома, и в школе. Мне было обидно, что за одну и ту же провинность наказывали, как правило, только меня. Хотя наказание и сводилось к запретам погулять на улице или посмотреть интересное кино.

Спрятавшись где придётся, я плакала от досады на такую несправедливость. Но больше всего обижалась я, когда Анюта тайком брала картонную коробку из-под обуви, где хранились дорогие моему детскому сердечку безделушки.

Летом всегда находилось укромное местечко, где можно было почитать книгу или просто посидеть, помечтать. Мечтала я побыстрее вырасти, уехать в большой город, поступить в педагогический институт, вернуться в Городищево и работать директором школы. Вот такая у меня была детская мечта, потому что мачеха, по иронии судьбы, преподавала в школе русский язык и литературу. То, что она заняла место мамы и дома, и на работе, мне тоже казалось несправедливым. Став директором школы, я перестала бы от неё зависеть.

Зимой уединиться было сложнее. Когда на улице метель или мороз под тридцать градусов, из дома не хотелось даже нос высовывать. Разве что до подружки Насти добежать и обратно. В семье Насти было четверо детей: Настя – старшая, братья-близнецы – на два года младше, а самая маленькая сестричка Маша тогда и говорить толком не умела. Приходя к Насте, я всегда играла с Машей или читала ей вслух детские книжки. Настины мама и папа хвалили меня, звали к ним жить. Понимая, что они шутят, я соглашалась, тоже шутя.

В тот воскресный зимний день мой отец уехал в райцентр, где с понедельника должен был учиться на курсах повышения квалификации. Сидеть дома, слушать болтовню сводной сестры и поучения мачехи мне

не хотелось. Я целый день гостила у Насти и домой не торопилась. По телевизору показывали фильм «Двенадцать месяцев». Вот тогда и объяснила нам Настина мама, кто такая падчерица.

Досмотрев вместе с подругой и её братьями фильм до конца, я возвращалась домой. Метель, не прекращавшаяся с утра, намела высокие сугробы. Мои валенки были полны колочего холодного снега, когда я наконец дошла до крыльца своего дома.

– Мам, иди посмотри, явилась твоя падчерица! – Такими словами, уперев «руки в боки» и оглядываясь на мать, встретила меня на пороге сводная сестра. – А ты чего ждёшь? Бери корзину и топай в лес за подснежниками!

Мне стало понятно, что Анюта тоже смотрела фильм. Стоя перед крыльцом, я не знала, что ответить на такую злую шутку. Снег в валенках начал таять, ноги – мёрзнуть. Заболеть перед новогодними праздниками мне совсем не хотелось. Сначала я миролюбиво попросила пропустить меня, но Анюта загородила собой дорогу. Пришлось оттолкнуть обидчицу. Она, притворяясь плачущей, тёрла глаза кулаками и ждала, пока мать увидит её «страдания». Конечно же, мачеха выбежала «спасать» свою дочь. Обняв Анюту, начала успокаивать и одновременно выговаривать мне, что я – «такая-сякая», не ценю доброты и заботы, что обижаю сестру. Переходя на крик, закончила словами, что я могу идти на все четыре стороны. Бросила мне в ноги пальто, которое я только что сняла и повесила на вешалку. От обиды в моих глазах потемнело. Подняв пальто, я быстро надела его и повернулась к выходу, но тут же вернулась за картонной коробкой. Споткнувшись, уронила коробку, рассыпав её содержимое. Ползая по полу, искала я...

– Зря стараешься! Нет его там!

Оглянувшись на злорадный голос Анюты, я увидела то, что искала: на её пальце блестело колечко с зелёным камушком. Это было колечко моей покойной мамы, которое она, умирая, вложила в мою руку, прошептав: «На счастье, доченька». Первый раз в жизни я бросилась в драку. А потом,

хлопнув входной дверью так, что с крыши на крыльцо соскользнул наметённый за день снег, убежала в темноту ночи, зажав в кулаке колечко.

Куда я бежала? Не знаю до сих пор. Но бежала, пока были силы. Почувствовав, что слабею, перешла на шаг, еле передвигая ноги. Обессилев, села, прислонившись спиной к сугробу. Засыпая, приготовилась к самому худшему...

...Проснулась я в больнице. Сначала, конечно, не поняла, где нахожусь и как сюда попала. Нянечка, увидев, что я открыла глаза, всплеснула руками и выбежала из палаты. Мне очень хотелось пить, и вдобавок чесался нос. Поднеся правую руку, чтобы дотронуться до носа, увидела, что рука моя забинтована. Была забинтована и левая рука. От страха, что с моим руками случилось что-то ужасное, я заплакала. Нянечка вернулась с врачом. Увидев, что я плачу, снова всплеснула руками. Начала вытирать слёзы с моего лица, приговаривая:

– Не плачь, милая, все будет хорошо!

Её участие тронуло меня до глубины души, и я расплакалась ещё сильнее.

– Э, милая, что ж ты плачешь теперь? Раньше надо было плакать, когда в сугроб садилась! Скажи «спасибо» добрым людям, что нашли тебя и сюда привезли. Ты, поди, испугалась, что руки в бинтах? Так, целы твои рученьки, только кожа красная. Так доктор мазь прописал. Будем мазать, и всё пройдёт. Скажи, милая, хоть, как тебя звать?

Прошептав своё имя, я попросила пить. Напоив меня тёплой водой, нянечка рассказала, что привезли меня в больницу два дня назад.

– Кто привёз? Не знаю, милая, не назвали.

Позже я рассказала доброй нянечке, что случилось со мной и почему оказалась в сугробе. Не сказала только, где это произошло, потому что возвращаться домой и жить вместе с мачехой и её Анютой мне не хотелось.

Вскоре в больницу приехал отец. Он забрал меня, но повёз не в Городищево, а к бабушке и дедушке. Позже отец развелся, продал наш дом и уехал в другой город. Через некоторое время женился снова, и у меня появился младший брат.

Я передумала поступать в педагогический. А зачем? После того, как отец распрощался с мачехой, я больше не мечтала стать директором школы. Поступила в медицинское училище, закончила его и стала работать медсестрой в районной больнице. В той самой, куда привезли меня в ту ночь добрые люди, не назвавшие своих имён. Конечно, мой рассказ можно было бы назвать грустным, не будь у него счастливого конца...

...Однажды к нам в отделение поступил молодой мужчина с приступом, похожим на приступ аппендицита. Диагноз подтвердился, и мужчину прооперировали. Когда я утром, заступив на смену, участвовала в обходе и приблизилась к его койке, мне показалось, что мы уже были знакомы когда-то. Записав все назначения врача, я весь день вспоминала, где я могла видеть эти серые глаза. Поищила его карточку, узнала имя: Михаил. Нет, не было у меня знакомых с таким именем.

Михаила стали готовить к выписке. Нужно было оформить и отдать ему больничный лист. Конечно, я была рада, что и операция прошла успешно, и выписывают его. Но почему на душе было беспокойно? Протянув Михаилу больничный лист, подумала с сожалением, что, возможно, мы никогда с ним больше не встретимся.

А дальше произошло неожиданное: Михаил задержал мою руку и попросил закрыть глаза.

Не раздумывая, я выполнила такую странную просьбу и вдруг почувствовала, как моей ладони коснулся прохладный металл...

...Широко открыв глаза, я с изумлением смотрела на вернувшееся ко мне колечко с зелёным камушком!

Дочери я рассказываю только об этом счастливом моменте, пропуская всё грустное. Рассказываю, как меня спас Михаил, – её папа. Это он со своим отцом проезжал в тот поздний час по дороге в Городищево и увидел меня, замерзающую в сугробе.

Поправив одеяло, целую дочь.

– Спокойной ночи, милая! Пусть приснится тебе хороший сон.

Наташа, задерживая мою руку, шепчет:

– Спокойной ночи, мамочка. Хорошо, что твоё колечко оказалось волшебным!